

Доктор Дэвид де Сильва , Апокрифы, Лекция 8, Влияние апокрифов на Новый Завет и раннее христианство

© 2024 Дэвид де Сильва и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это занятие 8: Влияние апокрифов на Новый Завет и раннее христианство.

В этой лекции мы вместе рассмотрим некоторые следы влияния апокрифов на писания Нового Завета, возникающую литературу и мысли ранней церкви.

Разговор об использовании апокрифов в Новом Завете, пожалуй, несколько спорен. Ясно, что ни один автор Нового Завета не цитирует явно текст из апокрифов, и совершенно очевидно, что они не цитируют ни один текст апокрифов как священное писание. Это действительно может быть для нас указанием на то, что автор или говорящий, если речь представлена, как в случае с Иисусом, не рассматривает эти тексты на том же уровне, что и Священное Писание.

Нет никакой пользы, цитируя текст, который ни один человек или его аудитория не примут как авторитетное слово по данной теме. Таким образом, отсутствие явных цитат может быть признаком осознания того, что эти тексты не обладают авторитетом, аргументирующим авторитетом Священных Писаний. Тем не менее, сказав, что существует множество свидетельств, которые следует учитывать в отношении апокрифических текстов, оказывающих своего рода формирующее влияние на мышление и письмо тех голосов, которые дали нам Новый Завет, даже начиная с голоса самого Иисуса. .

Вопрос о влиянии является методологически сложным. Просто потому, что текст А и текст Б говорят одно и то же или похожие вещи, нельзя автоматически предполагать влияние в любом случае. Необходимо быть в состоянии продемонстрировать, что предполагаемый оказывающий влияние текст каким-либо образом был доступен говорящему или писателю, на которого предположительно оказал влияние.

Содержание должно быть достаточно отличительным, чтобы говорить о влиянии, а не просто о том, что оба текста основаны на общедоступном источнике. Кроме того, полезно, хотя и не обязательно, чтобы точки влияния были достаточно многочисленными, подробными и всеобъемлющими, чтобы соответствие между этими двумя текстами не могло быть приписано простой случайности. То есть, если есть одна точка соприкосновения между текстом А и

текстом Б, то большое влияние невозможно, но одна точка соприкосновения не является большим аргументом в пользу влияния.

Если в тексте Б есть множество точек соприкосновения с материалом текста А, это увеличивает вероятность того или иного влияния. Что касается вопроса влияния, давайте начнем с совместного размышления о «Мудрости Бен-Сиры», которая, безусловно, является одним из старейших текстов среди апокрифов и, возможно, одним из наиболее способных оказывать влияние. Что касается этого вопроса, был ли предполагаемый текст влияния, в данном случае Бен-Сира, правдоподобно доступен таким людям, как Иисус и Иаков, для оказания влияния? Я бы сказал, что в случае с Бен-Сирой можно было бы привести веские аргументы в пользу того, что автор был вполне готов войти в основное русло еврейской мудрости и, таким образом, каким-то образом быть доступным для особо мотивированных евреев, которые сами становятся учителями, как Иисус и Иаков. сделал, чтобы встретиться с этой мудростью и воплотить ее в той или иной форме.

Во-первых, сам Бен Сира большую часть своей карьеры находился в Иерусалиме. Он содержал педагогическую школу в Иерусалиме. Он был известным и уважаемым учителем многих других мудрецов, книжников и лидеров еврейской элиты в Иерусалиме.

Он был консервативным голосом в то время, когда обсуждалось соблюдение Торы и поднимались вопросы о том, в какой степени мы должны оставаться связанными заветом или оставаться ему верными. Его запомнят как верного голоса, к которому позже обратятся поколения верующих, в отличие от того, что могли бы сказать по этой теме такие персонажи, как Ясон и Менелай. Бен Сира сохранил свое учение в письменной форме для потомков, и у нас есть свидетельства того, что его текст был доступен и использовался в первом веке нашей эры.

Например, фрагменты свитков Бен-Сиры были найдены среди свитков Мертвого моря в Кумране, а также были найдены спрятанными в углах Масады, последнего оплота фанатиков. Итак, мы знаем, что его книга была доступна в первом веке. И мы видим доказательства его влияния на еврейских учителей столетия спустя.

Его цитируют в Вавилонском и Иерусалимском Талмудах, в Мидрашах и более поздней раввинской литературе более ста раз, согласно исследованиям и подсчетам Соломона Шехтера еще в статье, написанной в 1891 году, что является явным свидетельством того, что его голос продолжал звучать. говорить и цениться среди еврейских авторов на протяжении первых веков христианской эры. Теперь еще один вопрос, над которым нам, возможно, придется подумать, прежде чем мы продолжим, — это идея обучения Иисуса. Некоторые христиане

по своей сути враждебно относятся к идее о том, что Иисус, сын Божий, должен был чему-то учиться.

Я бы просто предположил, что если мы воспринимаем двойственную природу Иисуса с предельной серьезностью, то естественно думать о мальчике Иисусе, который учится и стремится учиться, выполняя свою Богом данную миссию. Я хочу лишь очень кратко указать на два текста, которые показывают нас, Иисуса, в школе и призывают нас присоединиться к каноническому видению Иисуса в школе, а не к видению апокрифического Евангелия. Если бы кто-нибудь прочитал Евангелие от Фомы, то нашел бы в этом повествовании четыре эпизода, в которых мы видим Иисуса в школе, как бы занимающегося вопросом об образовании Иисуса, пытающегося ответить на вопрос, откуда Иисус получить его знания? И все эти эпизоды пытаются ответить на этот вопрос таким образом.

Он не получил этого ни от одного учителя-человека. Он пришел со всеми своими знаниями, заранее упакованными и доступными ему. Я должен просто отметить, что это, по всей вероятности, гностический текст.

В этих историях показано, как Иисус ничему не учился у своих еврейских учителей, когда он рос, его еврейские учителя были совершенно неспособны научить его чему-либо, а в некоторых случаях просто сдавались. В этом Евангелии мы обнаруживаем, что Иисус сбил с толку тех, кто считал себя его учителями, своими превосходными знаниями обо всем, от буквы Алеф до Торы. В каноническом Евангелии от Луки делается совершенно иной акцент.

На самом деле эпизод в конце второй главы Евангелия от Луки — это эпизод, который также появляется в Евангелии от Фомы. В Евангелии от Фомы для младенцев Иисус учит учителей в храме. Это не диалог; это монолог, и Иисус говорит и заставляет учителей в храме замолчать.

У Луки это совсем другая картина, и ключевыми стихами являются 46 и 47. Через три дня Мария и Иосиф нашли Иисуса во дворе храма, сидящего среди учителей, слушающего их и задающего им вопросы. Все, кто его слышал, поражались его пониманию и ответам.

То, что мы имеем в каноническом Евангелии, — это картина педагогической беседы, а не способ разглагольствовать. Иисус слушает; он принимает то, что могут предложить старшие мудрецы его родительской религии, и задает интуитивные вопросы. Конечно, если вы знаете что-нибудь о еврейской культуре, вы знаете, что правильно поставленный вопрос может быть таким же острым и пронизательным, как и напыщенная речь и ответ.

Мы видим, как Иисус пьет, взвешивает, проверяет и исследует знания, доступные ему через типичные средства его культуры. И уж точно не появится на месте происшествия со всеми знаниями в голове, готовыми к действию. Иисус, безусловно, был учителем-новатором, авторитетно приносившим новое учение, но в то же время гораздо большая часть его учения имеет историю, чем мы обычно думаем.

С учетом вышесказанного я бы предположил, что, возможно, косвенно, Иисус усвоил, одобрил и использовал часть мудрости Бен-Сиры. Я бы не советовал ему читать текст Бен-Сиры, что он где-то открыл этот свиток, но я бы предположил, что Бен-Сира, мудрость, учение Бен-Сиры пронизывали мудрость мудрецов, книжников, раввинов, учителей в Иудее в силу своего местонахождения. И мы видели доказательства того, что он пользовался влиянием до Иисуса и был очень влиятельным после Иисуса, так что, вероятно, он также имел влияние и при жизни Иисуса.

И поэтому, слушая своих учителей, Иисус мог бы выпить, даже не зная источника, кое-что из того, что мы находим в Бен-Сире. Итак, Иисус говорит, как записано в 5-й главе Евангелия от Матфея: «Всякому, просящему у тебя, дай, и никому, желающему занять у тебя, не откажись». Любите своих врагов и молитесь за тех, кто преследует вас, чтобы вы были детьми Отца вашего Небесного.

Ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Здесь мы увидим материалы, характерные для Иисуса, но некоторые из них, по-видимому, были изучены и заимствованы за пределами того, что может предложить Ветхий Завет, из мудрости Бен-Сиры, у которого аналогичное видение того, как подражать Богу. Проявляя щедрость, любя своих врагов и молясь за тех, кто вас преследует, вы становитесь чадом вашего Небесного Отца, потому что вы подражаете характеру Бога.

Точно так же, пишет Бен Сира, не отвергайте просителя, находящегося в беде, и не отворачивайтесь от бедного. Не отводи глаз твоих от нуждающихся и не давай никому повода проклинать тебя. Будьте отцом для сирот; будь как муж для своей матери.

Тогда ты будешь как сын Всевышнего, и Он будет любить тебя больше, чем твоя собственная мать. Несмотря на различия, Бен Сира не заходит так далеко, чтобы предлагать любить своих врагов и молиться за тех, кто вас преследует. Он учит, что нельзя отводить взгляд от нуждающегося или отвергать просителя, как позже будет учить Иисус.

Всякому, просящему у тебя, давай, и от хотящего занять у тебя не откажи. Бен Сира также связывает быть ребенком Божиим с отражением щедрого сердца

Бога и Его заботой о нуждающихся. Иисус многому учил о прощении, и когда я сам просто погрузился в Ветхий Завет и Новый Завет, я считал эти учения о прощении совершенно новым изобретением Иисуса, чем-то, чего его аудитория никогда раньше не слышала.

Прости нам долги наши, как и мы простили должникам нашим. Часть Молитвы Господней, конечно, — это единственная часть, которая получает комментарий в Нагорной проповеди, ибо, если вы простите другим их согрешения, Отец ваш Небесный простит и вас. Но если вы не прощаете другим, то и Отец ваш не простит согрешений ваших.

И читатель, знакомый с Матфеем, может также подумать в этот момент о притче о непрощающем рабе в Евангелии от Матфея 18. Я думаю, что притча о непрощающем рабе в стихах с 21 или 23 по 35 усиливает это учение в Евангелии от Матфея 6:14-15. . Просто чтобы освежить вам память, на всякий случай, если это не для вас, слуга должен своему господину определенный долг, скажем, сто динариев, потому что я не могу вспомнить точную сумму, а хозяин грозит продать слугу, и . его семье, чтобы можно было вернуть деньги и погасить долг. Слуга умоляет хозяина не делать этого, а проявить к нему терпение и дать ему время вернуть долг.

И хозяин, честно говоря, прощает долг. Но тот же раб выходит и находит товарища-раба, который должен ему один динарий, один динарий, и второй раб умоляет его потерпеть с ним, простить долг. И этот первый слуга отказывается и передает его тюремщикам, пока долг не будет погашен.

Хозяин узнает и разъяряет первого слугу, потому что он не проявил милости к своему товарищу-слуге после того, как его господин проявил к нему гораздо больше милости. Ну, опять же, если вы читаете только Ветхий Завет, это звучит как новое учение. Но мы обнаруживаем, что Бен-Сира учил о прощении очень похоже.

Он пишет: прости ближнему зло, которое он сделал, и тогда твои грехи будут прощены, когда ты помолишься. Затаивает ли человек гнев на другого человека и все же ищет исцеления от Господа? Неужели они не имеют милосердия к таким же людям, как они сами, и при этом молятся за свои грехи? У старшего мудреца мы находим ожидание того, что мы, сослужители Бога, будем милостивы к обидам друг друга, что является предпосылкой для поиска милости у Бога за наши обиды против Него. Предполагается, что Божья честь настолько превосходит нашу собственную, что с нашей стороны является крайней самонадеянностью думать, что Бог собирается оставить в стороне пренебрежение, наши грехи, наши проступки, в то время как мы не отбрасываем в сторону пренебрежение, наши грехи и проступки. в сторону пренебрежения.

Если мы относимся к нашей чести, нашей ценности как к более ценной, требующей большего сохранения, чем честь Бога, мы совершаем грех большой самонадеянности, и поэтому нам следует ожидать, что мы не получим прощения, когда молимся. Именно такую логику мы находим в притче Иисуса, а затем и в его более развернутых наставлениях. Бен Сира, как и Товит, пропагандирует милостыню.

И мы знаем, что милостыня – это то, чему сама Тора уделяет большое внимание. В законе нам сказано заботиться о нуждающихся среди нас, давать бедным. Итак, то, что делают Бен Сира или Товит, не является чем-то новым.

Но образы, которые они используют, и мотивы, которые они используют, продвигают дискурс Ветхого Завета на шаг дальше. Итак, мы читаем в Бен-Сире, глава 29: Помогайте бедным ради заповеди и в их нужде, не отсылайте их с пустыми руками. Потеряй серебро свое ради брата или друга, и не дай ему заржаветь под камнем и пропасть.

Собирай сокровище твое по повелению Всевышнего, и оно принесет тебе больше пользы, чем золото. Собирай милостыню в сокровищницу твою, и она избавит тебя от всякой беды. Теперь те из нас, кто знаком с учениями Иисуса о подаче милостыни и благотворительности по отношению к ближнему, уже слышали некоторые ключевые фигуры и темы, которые возникают в учениях Иисуса.

Например, в Евангелии от Матфея 6, стихи 19 и 20, не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не врываются и не крадут. А в Евангелии от Луки мы имеем более ясные указания о том, как собрать сокровище на небесах. В 12-й главе Евангелия от Луки Иисус говорит: продайте имущество ваше и подайте милостыню.

Сделайте себе кошельки, которые не изнашиваются, неиссякаемое сокровище на небесах, куда ни один вор не приближается и ни одна моль не истребляет. Как и Бен-Сира, Иисус утверждает, что деньги, которые лежат без дела, вместо того, чтобы быть потрачены на дела милосердия, удовлетворяющие чьи-то текущие нужды, в конечном итоге теряются из-за ржавчины и воровства. Как и Бен-Сира, Иисус использует образ накопления сокровищ на земле вместо сокровища на небесах или сокровища с Богом, которое имеет более непреходящую ценность для будущего, чем просто размещение денег в яме в земле или на нашем банковском счете.

Что здесь немного отличается, так это то, что Бен Сира, возможно, не имеет никакого представления о загробной жизни. Итак, для Бен-Сире сокровище,

накопленное Богом, приносит дивиденды в этой жизни, когда человек нуждается в себе. Для Иисуса накопление этого сокровища вместе с Богом приносит, если можно так выразиться, вечные дивиденды.

Однако оба с этим согласны. На самом деле вы сохраняете только то, что отдаете. То, что вы пытаетесь сохранить для себя, теряется.

То, что вы даете для удовлетворения нужд других, навсегда остается с вами на счету Бога. Мы обнаруживаем, что и Бен-Сира, и Иисус, два столетия спустя, учат о самонадеянности и учат против самонадеянности о милости Бога. Бен Сира сказал: «Не грехи дважды».

Даже за одно вы не останетесь безнаказанным. Не говори, что он примет во внимание множество моих даров. И когда я сделаю подношение Всевышнему Богу, он примет его.

Бен Сира учит в своего рода пресловутом жанре, что вы не можете откупиться от Бога своим хорошим поведением или благотворительностью. Грех серьезен и в нем нужно покаяться. Иисус учит очень похожему моменту в повествовательной форме, используя притчу, а не прямую беседу, пресловутое учение.

И мы знакомы с этой историей из Луки 18. Двое мужчин пришли в храм помолиться: один фарисей, а другой сборщик налогов. Фарисей, стоя в стороне, молился так: Боже, благодарю Тебя, что я не такой, как другие люди.

Воры, мошенники, прелюбодеи или даже такие, как этот сборщик налогов. Я голодаю два раза в неделю. Я отдаю десятую часть всего своего дохода.

А мытарь, стоя вдаль, даже не взглянул на небо, а бил себя в грудь и говорил: Боже, помилуй меня, грешника. Говорю вам, этот человек пошел домой оправданный, а не тот. Так вот, возможно, здесь нет никакой прямой зависимости, кроме притчи Иисуса.

Глубоко перекликается с материалом, уже присутствующим в еврейской традиции мудрости. А именно, эта идея о том, что ваше благочестие и ваши дела милосердия не дают вам основания для гордости в глазах Божиих. Но перед Богом надо всегда тщательно взвешивать свои грехи и проступки и оставаться смиренными, прося милости, а не предполагая прощение Божие на основании своего воображаемого благочестивого состояния.

Еще один поразительный момент соответствия проявляется в приглашениях к ученичеству, которые мы находим как у Бен-Сира, так и в речи Иисуса, записанной у Матфея. В 11-й главе Евангелия от Матфея Иисус говорит: придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое

на себя и научитесь от Меня, и найдете покой душам вашим, ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко.

Это приглашение весьма поразительно перекликается с другими подобными приглашениями от других мудрецов и других учителей мудрости в этой культуре, особенно от Бен-Сиры, глава 51. Приблизьтесь ко мне, вы, необученные, и поселитесь в моей школе. Подставьте свою шею под ярмо и позвольте своим душам получить наставление.

Его нужно найти рядом. Посмотрите своими глазами, что я мало трудился и много отдыхал. Между ними мы находим ряд общих черт.

Приглашение прийти ко мне, приблизиться ко мне, образ наставления как ига, которое должен взять на себя ученик. Обещание состоит в том, что ученик не найдет это иго обременительным, а скорее обнаружит, что это иго является путем к покою. Очевидно, что главное отличие состоит в том, что Бен Сира приглашает людей прийти в принадлежащее ему школьное здание в Иерусалиме.

Иисус приглашает людей идти вместе с ним в путь, потому что ему, конечно, негде преклонить голову. И его служение носит странствующий характер и находится вдали от официальных структур еврейского образования и благочестия. Теперь, сказав все это, я думаю, это говорит о том, что материалы Бен-Сиры вошли в поток обучения по всей Иудее.

И что Иисус услышал, изучил и одобрил, а в некоторых случаях изменил и развил это учение. Несмотря на все это, есть также некоторые весьма поразительные различия между тем, что мы находим в Иисусе, и тем, что мы находим в Бен-Сире. Например, возвращаясь к идее благотворительности и оказания помощи, Бен Сира особо советует ограничить щедрость благочестивыми и добрыми среди бедных.

Поскольку, как он рассуждает, Бог ненавидит грешников. Иисус, с другой стороны, призывал проявлять щедрость по отношению ко всем просителям, хорошим и плохим, поскольку, по его утверждению, Бог был щедр как к добрым, так и к злым. Таким образом, мы обнаруживаем, что милосердие к тем, кто, как известно, является евреем, соблюдающим Тору, как и вы в Бен-Сире.

Потому что это отражение образа Бога Бен-Сиры. Бог ненавидит грешников и любит праведников. Но Иисус несет и представляет совсем другой образ Бога.

Это влияет, это влияет на то, как он призывает людей подражать Богу. Бен Сира категорически отправляет женщин в личное пространство дома. И он также разжигает враждебность, хотя и всего в нескольких стихах, против самаритян.

Иисус не делает ни того, ни другого. В обоих случаях он резко расстается с Беном Сирой. Что касается самаритян, то он свободно общается и стремится послужить им.

Вспомните, например, Иоанна 4. Самаритяне выступают героями его притч, конечно, Доброго Самаритянина, и выделяются как те, кто лучше других отзывается на Иисуса. Например, в «Десяти прокаженных» только один из них думал вернуться и выразить благодарность лично Иисусу.

И этот был самаритянин. И, конечно же, Иисус приглашал женщин в места, где собирались ученики-мужчины. Например, Марию приветствовали в компании его учеников-мужчин, чтобы она могла послушать его учение и извлечь из него пользу, в то время как Марфа хотела позвать Марию обратно во внутренние помещения дома на кухне.

И женщины путешествовали с Иисусом. В Евангелии от Луки 8:1–3 мы узнаем о тех состоятельных женщинах, которые поддерживали странствующее служение Иисуса и делали это не просто, выписывая чек и отправляя его издалека, но и путешествуя в компании Иисуса. Вероятно, это было смелым поступком, потому что женщины, которых не сопровождали мужчины в компании других мужчин, были довольно сомнительной вещью в этой культуре.

Бен Сира советует развестись с женой, которая не делает того, что ей говорят. Иисус, наоборот, ставит Божьи намерения в отношении брака, выраженные в Бытие 2:24, выше юридического положения о разводе в самой Торе. Итак, есть несколько важных моментов дифференциации, в которых Иисус резко не соглашался с традицией мудрости, которую он унаследовал в тех синагогах, где он учился в детстве.

Теперь я хочу обратиться к некоторым точкам влияния между Бен-Сирой и Иаковом, сводным братом Иисуса, который стал лидером, по крайней мере, еврейско-христианского крыла христианского движения, а возможно, и лидером всего христианского движения, базирующегося в Иерусалиме, вероятно, по крайней мере, в течение трех десятилетий своей жизни, примерно с 30 г. по 62 г. н.э., когда Иаков наконец принял мученическую смерть. И Бен-Сира, примерно в 200 году до нашей эры, и Иаков, написавший свое послание, мы действительно не знаем, когда, где-то между 40 и 62 годами нашей эры, скажем, оба мудреца обращаются к богословским проблемам, извините, оба мудрецы обращаются к опасности языка, опасность речи. Другими словами,

речь может исцелять и помогать, речь может ранить и разрушать, речь может завоевывать расположение, речь может оттолкнуть и потерять расположение.

Итак, по мудрости Бен-Сиры, он действительно несколько раз возвращается к этой теме. Он пишет: кто поставит охрану устам моим и действенную печать на уста мои, чтобы я не упал из-за них и язык мой не погубил меня? И Бен Сира задает риторический вопрос, кто никогда не грешил языком? И говорит потом, что язык не имеет власти над благочестивым. Они не сгорят в его пламени.

Те, кто оставит Господа, попадут в его власть. Оно будет гореть среди них и не погаснет. Иаков также отмечает опасность языка и использует ту же метафору, говоря о силе языка.

Язык – огонь. Он представлен среди наших членов как мир, полный беззакония. Оно окрашивает все тело, поджигает круговорот природы и само поджигается адом.

Беспокойное зло полно смертоносного яда. Здесь не так уж много прямых доказательств зависимости, но этот образ языка как горящего огня, который может сжечь вас и причинить большой вред, — это образ, который Джеймс перенял из традиции мудрости, которую он унаследовал. Немного более прямая, немного более близкая точка соответствия связана с тем, как оба мудреца смотрят на двойственность речи.

Бен Сира пишет, что если подуть на искру, она засияет. Если плюнуть на него, его погасят. И все же оба исходят из твоих уст.

И это в контексте размышлений о самых разных эффектах, которые может иметь речь. Он может созидать, разрушать, завоевывать благосклонность и отталкивать. Но оба вида действий исходят из одного и того же источника, из одного и того же источника.

И разве это не странно? Джеймс дает нам очень похожую картину, хотя и развивает ее несколько дальше. Языком благословляем Господа и Отца, и языком проклинаям сотворенных по подобию Божию. Из одних и тех же уст исходят благословение и проклятие.

А он говорит, братья и сестры, так не должно быть. Почему? Потому что природа говорит нам, что одно и то же отверстие не должно производить такие разные эффекты. Бьет ли из одного и того же отверстия источник, пресная и солоноватая вода? Братья мои, может ли смоковница приносить оливки, а виноградная лоза — смоквы? Соленая вода больше не может стать пресной.

Итак, оба мудреца имеют дело с неприятностями, связанными с различными последствиями, которые исходят от речи, и призывают своих учеников, своих слушателей двигаться к большей честности в речи. Так что, например, в случае Иакова благословение постоянно исходит от этого и тому подобного. Бен Сира говорит, что мудрец одобряет изречение и дополняет его.

Итак, мудрецы всегда размышляют о мудрости пословицами. Мудрецы всегда думают о пословицах и дополняют пословицу и репертуар пословиц. И есть просто интересный пример такого рода деятельности между этими двумя мудрецами, Беном Сирой и самими Джеймсом.

И, конечно же, здесь Бен Сира также обращается к тексту канонической книги Притчей. Он говорит, что нужно быстро слушать, но отвечать обдуманно. И Иаков говорит: пусть каждый будет скор на слух, медленен на речь, обдуман в ответе и медленен на гнев.

Итак, и я предлагаю это несколько причудливо, у нас может быть пример Джеймса как мудреца, одобряющего максимум и добавляющего к ней пункт. Более серьезная переписка возникает, когда мы рассматриваем, как оба мудреца решают богословскую проблему источника искушения в мире, которым правит предположительно всемогущий Бог. Таким образом, возникает вопрос о том, кто в конечном итоге несет ответственность за грех.

Оба мудреца будут утверждать, что проблему невозможно решить, возложив ответственность на Бога. Бен-Сира написал: не говори: ради Господа я оставил правильный путь, ибо Бог не будет делать того, что ненавидит Бог. Не говорите, Бог сбил меня с пути, ибо Богу не нужен грешный человек.

Он никому не приказывает быть нечестивцем и никому не дает права грешить. Совершенно так же учит Иаков: пусть никто, искушаемый, не говорит: «Я искушаюсь Богом». Ибо Бога нельзя искушать злом, и Сам Он никого не искушает.

Но каждый человек подвергается искушению, когда его соблазняет и соблазняет собственное желание. Итак, и Бен-Сира, и Иаков одинаково отвечают на вопрос богословской проблемы. Они дистанцируют Бога от того, чтобы быть причиной или источником зла, и возлагают ответственность непосредственно на отдельного человека.

Человеческое желание является источником соблазна ко греху, и сила поддаться греху или противостоять греху зависит от нашего выбора. Как сказал бы Бен Сира, он положил перед вами огонь и воду. Вы можете протянуть руку тому, что пожелаете.

Жизнь и смерть находятся перед людьми. Им будет предоставлено то, что они пожелают. Иаков подобным же образом говорит или, скорее, ставит перед человеком выбор: поддаться ли тем страстям, которые ведут к смерти, или противостоять этим искушениям и идти путем, ведущим к жизни.

Мне кажется неувидительным, что два учителя, которые сами так тесно связаны с традицией мудрости Израиля, Иаков и Иисус, не чаще цитируют мудрецов, у которых они учились. И я говорю это потому, что сам Бен Сира полностью зависит от Притчей, от канонической книги Притчей. И все же он ни разу не цитирует Притчи.

Он декламирует, ну, декламировать – это неправильное слово. Он вплетает материал «Притчей» в свой новый материал без указания авторства. И часто, как бы перефразируя то, что мы находим в Притчах, он делает мудрость своей собственной и частью мудрости, которую передает без сносок. Ричард Бокэм, великий исследователь традиции Иисуса, а также братья Иисуса, Иаков и Иуда, считают, что это естественная практика мудреца в этот период.

Это дораввинский период, когда цитирование решает все. Он понимает практику мудреца выражать свою собственную мудрость, и я сейчас цитирую Баукома, чтобы выразить его собственную мудрость в собственной формулировке мудрости, которую он приобрел в результате интенсивного изучения традиции, не просто повторяя ее. Сейчас я бы хотел переключить внимание с Джеймса и Джуда и подумать о Поле.

В частности, чтобы рассмотреть, каким образом материал, который мы находим в мудрости Соломона, мог оказать некоторое формирующее влияние на мышление Павла, особенно когда Павел думает о языческой религии и языческих этических или неэтических практиках. И здесь вопросы прямого влияния становятся сложнее.

Бен Сера написал за 200 с лишним лет до Иисуса и Иакова. Это долго. Достаточно времени, чтобы текст стал достаточно распространяющимся и оказал влияние.

Предположительно, «Премудрость Соломона» могла быть написана всего за несколько десятилетий до активного служения Павла. Возможно, всего за десять лет до обращения Павла. Итак, принимая во внимание, что датировка «Премудрости Соломона» вызывает много споров, я бы не стал утверждать, что «Премудрость Соломона» оказывает прямое влияние на Павла.

Но я бы предположил, что в «Премудрости Соломона» мы имеем доступ к эллинистическим еврейским традициям, которые также влияют на Павла. И я говорю это просто для того, чтобы сказать: если мы знакомы с апокрифами, мы

лучше понимаем, когда такой писатель, как Павел, создает материал заново. Когда такой писатель, как Павел, опирается на хорошо развитую традицию, которую он унаследовал,

Это особенно верно в отношении критики Павлом языческой религии и практики. Автор «Премудрости Соломона» пишет в главе 13: «Все люди, не знающие Бога, по природе своей пусты». Несмотря на все хорошее, что можно было увидеть, они как-то не смогли познать того, кто есть на самом деле.

Хотя они были очарованы тем, что он сделал, они не смогли узнать создателя всего. Эти люди могли воспринять что-то от Того, Кто создал все сущее, когда они думали о силе и красоте сотворенных вещей. Именно по этой причине они не без вины.

Эти люди не оправданы. Итак, в «Премудрости Соломона» мы находим ощущение того, что отпечаток Бога присутствует в творении. Созерцание самого творения должно привести к осознанию Бога и оценке Его величия, силы и божественных качеств.

Итак, язычники, хотя они и не имеют прямого откровения о Боге, которым израильтяне наслаждались на протяжении всей истории, не лишены оправдания за то, что они следовали за другими богами и поклонялись идолам. Само творение должно было привести их к истине о Боге. Теперь мы обратимся к 1-й главе Послания к Римлянам и обнаружим, что тот же самый традиционный аргумент используется Павлом, когда он говорит об ответственности и греховности язычников.

Божий гнев открывается с небес на все безбожное поведение и несправедливость людей, которые несправедливостью замалчивают истину. Это потому, что то, что известно о Боге, должно быть им ясно. Потому что Бог объяснил им это.

С момента сотворения мира невидимые качества Бога, вечная сила и божественная природа были ясно видны, потому что они постигаются через вещи, созданные Богом. Итак, людям нет оправдания. В этом вопросе Павел даже сильнее автора «Премудрости Соломона».

Последний автор хочет дать язычникам небольшую передышку, потому что творение так прекрасно. Возможно, красота отвлекла их и заставила поклоняться сотворенному, а не Создателю. Но Пол не будет иметь ничего из этого.

Нет оправдания поклонению творению, а не Создателю. В «Премудрости Соломона» мы также находим, что эта неспособность прийти к пониманию

единого Бога и, следовательно, поклоняться сотворенным вещам вместо этого лежит в основе этической путаницы, этического беспорядка, который пронизывает языческое общество. Итак, в 14-й главе «Мудрости Соломона» мы читаем, что все превращается в запутанную смесь крови, убийств, воровства и обмана.

Коррупция, нарушение слова, беспорядки, ложные обещания – всего этого предостаточно. Прелюбодеяния и распущенность изобилуют. Поклонение безымянным идолам является источником всего зла, его причиной и следствием.

Затем, если мы вернемся к Римлянам, мы обнаружим тот же самый ход. Идолопоклонство является коренной причиной морального разложения во всем языческом обществе.

И вот, читаем мы в Римлянам 1, они, язычники, променяли Божью истину на ложь. И они поклонялись и служили творению вместо Творца, который благословен навеки. Аминь.

Вот почему Бог оставил их во власти унижительной похоти. Бог оставил их извращенному разуму, чтобы они могли совершать неподобающие поступки. Итак, они были наполнены всей несправедливостью, злым поведением, жадностью и злым поведением.

Они полны зависти, убийств, драк, обмана и злобы. Они лишены понимания, неверны, лишены привязанности и милосердия. Итак, Павел явно принял и применил традиционное эллинистическое еврейское описание того, что не так с языческой культурой и почему.

Итак, он одобрил это, он применил это. Однако очевидно, что он делает один ошеломляющий шаг, которого не делает автор «Мудрости Соломона». Закончив со всем этим, Павел во второй главе обращает свое внимание на то, что не так с еврейской практикой и мышлением.

Потому что, с точки зрения Павла, ни этническая группа, ни группа этнических групп в случае язычников не имеет преимуществ перед Богом. Теперь я хочу обратиться к другому вопросу, каким образом апокрифическая литература повлияла на раннехристианское мышление. Итак, я собираюсь обратиться к 2-й и 4-й главам Маккавеев, в частности к истории девяти мучеников во 2-й и 4-й главах Маккавеев, 6 и 7. Кажется, это оказало влияние еще в послании к евреям.

В конце автор Послания к евреям, прославляющего то, как вера выглядит на практике, своего прославления достойных древних, олицетворяющих веру, он включает этот стих. Женщины получили своих умерших воскресением. Других

пытали, отказываясь принять освобождение, чтобы добиться лучшего воскресения.

В этом стихе автор дважды использует воскресение, но четко различает два типа воскресения. В первой половине стиха он, вероятно, обращается к историям об Илии и Елисее и о возвращении из мертвых детей нуждающихся вдов.

Но это была всего лишь реанимация. Мы бы использовали это слово, которое они не использовали еще в первом веке. Это была всего лишь реанимация.

Предположительно, эти дети снова умерли, будем надеяться, в старости. Лазарь, знаете ли, умер снова, предположительно в гораздо более старшем возрасте, чем в первый раз. Во втором стихе говорится о другом.

Те, кого пытали, отказывались принять освобождение, чтобы добиться лучшего воскресения. Это лучшее воскресение, конечно, приходит к жизни вечной, внутри которой нет дальнейшей смерти. Автор 11-й главы Послания к Евреям вспоминает мучеников из 2-й Маккавейской 6:18–7:40. В еврейской традиции это люди, которых подвергают пыткам, которым дается возможность освободиться от пыток, если они просто нарушат веру в Бога.

И которые отказываются именно ради надежды на воскресение и вечную жизнь, которую Бог даст верующим. То, что автор Послания к Евреям делает, мимоходом, с другими раннехристианскими авторами, и теперь я начинаю выходить за рамки Нового Завета и рассматривать влияние апокрифов на раннюю церковь во втором и третьем веках. Другие раннехристианские авторы делали это гораздо более целенаправленно.

Как вы знаете, во втором и третьем веках нашей эры христиане стали подвергаться все более гонениям. Происхождение, жизнь примерно в 235 году нашей эры, на самом деле именно в третьем веке преследования в римском мире начинаются, как лесной пожар. Ориджин, писавший в 235 году нашей эры, пытается подготовить двух диаконов, Амвросия и Протактита, которые были арестованы и столкнулись с таким же сценарием.

Им вот-вот будет предоставлен выбор: освободиться от жестокого и длительного опыта смерти или твердо придерживаться своей веры во Христа до конца. И поэтому, когда Ориджин пишет свой призыв к мученичеству, это, по сути, длинная проповедь на 2 Маккавейские 6 и 7. Именно у этих еврейских мучеников христиане должны искать пример, который украдет их мужество и даст им образец, который им придется столкнуться с борьбой, очень похожей на ту, с которой столкнулись мученики перед Антиохом IV. И, к сведению,

Происхождение показывает четкое знание как 2-й, так и 4-й Маккавейской книги.

Он следует тексту 2-й Маккавейской книги, но по ходу дела использует много изображений и добавляет множество обрывков диалогов из 4-й Маккавейской книги. Итак, семеро братьев становятся, по его словам, мощным и благородным примером крепкого мученичества для каждого, кто задумывается, окажется ли он не мужчиной, а мальчиком. Он особенно ценит последние слова Елеазара как образец образа мышления, который следует принять перед лицом смерти.

А именно, учитывая, как человек будет подавать пример другим, в данном случае христианам, чтобы своей собственной неспособностью упорствовать до смерти не подрывать обязательство своих сестер и братьев упорствовать до смерти и, таким образом, не стоять им смерти. а также себе вечную жизнь. Ориджин подробно описывает пытки двух Маккавеев, чтобы заверить этих двух дьяконов, что с чем бы им ни пришлось столкнуться, худшее уже было перенесено ради Бога. «Происхождение», как и 2-я и 4-я книги Маккавеев, использует тему благодарности, чтобы побудить христианских мучеников, потому что мученичество — это совершенная оплата дара жизни обратно тому, кто дал жизнь в первую очередь.

Немного позже Киприан Карфагенский написал увещание о мученичестве примерно в 256 году нашей эры. И он, как и Ориджин, подробно перефразирует и цитирует Вторую книгу Маккавеев, попутно призывая христиан, столкнувшихся со следующей великой волной гонений, выстоять до конца. Влияние 2-й и 4-й Маккавеев и этих повествований о мучениках сохраняется еще долгое время после того, как христианство было легализовано и фактически стало доминирующей и преобладающей религией во всей Римской империи.

Августин продолжает обращаться к мученикам в своих проповедях в поисках вдохновения для своей аудитории. Мать семи братьев становится фигурой, прообразом материнской церкви в течение столетий гонений. И Августин весьма убедительно утверждает, что это были христианские мученики, хотя они умерли до того, как жил Иисус.

Они умерли за ветхий завет, который предвосхитил новый завет. Они умерли, по его словам, за имя Христа, поскольку это имя было сокрыто в законе. Здесь я должен просто отметить, что еврейским мученикам было место в христианском календаре святых.

Только эти мученики, о которых рассказывается во 2 и 4 Маккавейской книге. 1 августа был их днем, и некоторые люди в IV и V веках сохранили эту идею, но и Августин, и Златоуст защищали свое место в календаре святых, потому что они

проявили такую преданность Богу еще до прихода Христа и сделали смерть менее значимой. грозный. Когда мы обращаемся к трудам Иоанна Златоуста, мы находим другое использование этих мучеников, использование, которое на самом деле гораздо больше соответствует 4-й Маккавейской, чем 2-й Маккавейской книге.

Иоанн Златоуст использует мучеников, так же, как это сделал автор 4-й Маккавейской книги, как примеры стойкости в добродетели перед лицом натиска страстей. И поэтому он призывает свою христианскую аудиторию проявлять такую же стойкость против иррациональных страстей гнева, жажды денег, телесной похоти, пустой славы и тому подобного, как эти еврейские мученики проявили приверженность своей философии в своих агониях. Другой способ, которым Мудрость Соломона, снова переключив передачи, оказала глубокое влияние на раннюю церковь, находился в области раннехристианского богословия, особенно в области попыток думать об Иисусе до воплощения, веря в то, что Иисус равен с Богом и вечным Сыном, полагая, что Сын вечен рядом с Богом, ранние христиане, естественно, задавались вопросом: а что же тогда делал Сын до того, как Слово стало плотью? Мудрость Соломона дала много материала для ответа на этот вопрос.

Теперь, как мы уже обсуждали, сама Мудрость Соломона развила то, что мы находим в Притчах, Притчи 8, образ женщины-мудрости, которая была рядом с Богом в творении, которая была рядом с мастером-ремесленником рядом с архитектором в создании все, что есть, и в сохранении всего, что есть. Но автор «Премудрости Соломона» идет дальше в своем описании мудрости, и поэтому мы читаем в «Премудрости Соломона 7»: «Премудрость, искусный создатель всего сущего, научила меня, научила меня, Соломон как бы Соломон в кавычках». . Она — дыхание Божьей силы, безупречное зеркало Божьей силы действовать и образ Божьей благодати.

Будучи единой, она способна на все, и, оставаясь нетронутой в себе, обновляет все и входит в святые души из поколения в поколение, делая их пророками и друзьями Божиими. Теперь, помимо Притчей, автор «Премудрости Соломона» говорит о мудрости как о безупречном отражении бытия Бога. Он использует образ (кажется, я пропустил это здесь), но он использует образ просвещения, сияния и источника света, чтобы говорить об отношении мудрости к Богу.

Те же самые образы появляются, когда авторы Нового Завета начинают говорить об Иисусе до воплощения и о солнце до воплощения. Павел использует язык в этом смысле в Послании к Колоссянам 1:15-17. Солнце есть образ, опять-таки слово эйкон, образ невидимого Бога, Того, Кто есть прежде всего творения, потому что все сотворено Им, и на небесах и на земле, видимое и невидимое.

Все вещи были созданы через него и для него. Он существовал прежде всего, и все в Нем держится вместе. Во многом это можно отнести к тому, что в Притчах говорится о мудрости как о своего рода партнере Бога в творении.

Но идея о том, что солнце является образом невидимого Бога, опирается на развитие мудрости в 7-й главе Премудрости Соломона. Автор Послания к Евреям идет еще дальше. Он пишет, что в эти самые последние дни Бог говорил с нами в солнце, которого Он сделал наследником всего сущего, через которого Он сотворил века, которое есть сияние славы Божией и точный отпечаток бытия Бога, поддерживающего все сущее своим могучим словом. Итак, образ или идея того, что солнце является сиянием славы Божьей, кажется парафразом, повторным использованием образа мудрости, являющегося освещением, исходящим от Бога, источника света.

Идея о том, что солнце является точным отпечатком бытия Бога, отражает идею мудрости как эйкона Божия, образа Божия. И затем это добавленное замечание о том, что солнце поддерживает все сущее своим могущественным словом, выходит за рамки мудрости как представителя Бога в творении и переходит к мудрости как тому, что продолжает поддерживать то, что создал Бог. Все это означает, что традиции мудрости, не только в Притчах 8, но и в том виде, в каком они были развиты в период Второго Храма в таких текстах, как «Мудрость Соломона», предоставляют исходный материал для принятия решений или размышлений о том, что делало солнце до воплощения.

Мудрость Соломона продолжает использоваться в ранней церкви во втором, третьем и четвертом веках в дискуссиях о подчинении или равенстве отца и сына, независимо от того, имеют ли отец и сын одну и ту же сущность, как в вере о едином существовании с отцом, а также вопрос о вечном рождении сына от отца, как в линии также от веры, вечно рожденного от отца. Я просто приведу здесь несколько примеров. Отец ранней церкви по имени *Quod Volt Deus*.

Очевидно, он взял это имя. Это просто означает то, чего хочет Бог. *Quod Volt Deus* применяет Премудрость 8:1, где мы читаем, что мудрость простирается в силе от одного угла земли до другого, хорошо упорядочивая все вещи, чтобы привести доводы в пользу равенства сына с отцом, поскольку сын, отождествляемый здесь с мудростью, демонстрирует та же вездесущность и всемогущество отца.

Дионисий Александрийский утверждает, что отец и сын имеют одну и ту же вечную природу, поскольку сын является эманацией силы Божией, цитируя Премудрость Соломона 7:25. Поскольку сын связан с отцом, как сияние связано со светом. Они сын и отец; однако они также являются не более двумя различными существами, чем сияние света может быть отделено от источника света, как утверждает Амвросий. Итак, все это говорит о том, что отцы ранней

церкви широко использовали Премудрость Соломона и развитую картину образа мудрости, чтобы разобраться в некоторых очень основных фундаментальных вопросах христологии и тринитарного богословия.

В заключение я просто хочу взглянуть на несколько мест, где отцы ранней церкви читали апокрифы как пророческое свидетельство о Христе, точно так же, как они и авторы Нового Завета читали для нас канонический Ветхий Завет как пророческое свидетельство. свидетельствовать о Христе, предоставляя дополнительные доказательства того, что особая форма мессиянства Иисуса была частью Божьего плана. В Варухе 3, 36–37 мы находим это утверждение о Боге. Это наш Бог.

Никто другой не сравнится с ним. Бог открыл все пути познания и дал ее, а именно мудрость, своему сыну Иакову, Израилю, которого он любил. После этого она или он появился на земле и жил среди людей.

Итак, это читается, и я говорю она или он, потому что в греческом языке в этом месте нет местоимения, позволяющего определить, говорим ли мы о нем или о ней. Итак, в этот момент мы могли бы перейти от женской мудрости к Богу. А после этого Бог появился на земле и жил среди людей.

Именно так воспринимают 3-ю главу книги Варуха некоторые ранние христианские отцы. Они цитируют ее как пророчество о воплощении, понимая, что Бог является субъектом глагола «Он явился на землю». Мудрость Соломона 2 также читается как пророчество, в частности, пророчество о распятии Христа. Во 2-й главе книги «Премудрость Соломона» мы читаем о безбожном создании этого плана.

Устроим засаду для того, кто делает правду, для праведника. Он даже хвалится, что Бог — его отец. Посмотрим, правдивы ли его слова.

Давайте подвергнем его экстремальному испытанию и посмотрим, что произойдет. Если этот праведный человек действительно является сыном Божьим, тогда Бог поможет ему. Возможно, я мог бы отвлечься и сказать: может быть, вы слышите отголосок насмешки в Мэтью.

Если он верил, что Бог избавит его, пусть Бог избавит его, если он доволен им, ибо он говорит: «Я сын Божий», обратно к Мудрости Соломона. Бог спасет его от руки тех, кто его угнетает, если он действительно сын Божий.

Итак, давайте проверим его, нападавая и пытая его. Тогда мы узнаем, насколько он хорош на самом деле. Давайте проверим его способность терпеть боль.

Давайте осудим его на позорную смерть. По его словам, Бог должен явиться и защитить его. В этом отрывке Августин утверждает, что он находит, цитируя, страсти Христовы, предсказанные наиболее открыто, дополненные предварительным просмотром того, что сказали бы его нечестивые убийцы, как выразился Августин.

Точно так же Ориген, Кирилл Александрийский и Иларий Пуатье обращаются к Премудрости Соломона, среди типичных ветхозаветных текстов, за пророческим возвещением о страстях Христовых. И так, во многих отношениях мы обнаруживаем, что книги апокрифов уже оказали определенное влияние на наши собственные Священные Писания и на христианскую традицию, на которую все христиане смотрят с одобрением. Протестанты, католики и православные могут сейчас расходиться во мнениях относительно масштабов канона.

Но в целом они не расходятся во мнениях по вопросам христологии и тринитарного богословия. И когда эти вещи создавались, апокрифы, апокрифические тексты, такие как Варух и Премудрость Соломона, были популярными ресурсами для выработки этих основных христианских доктрин наряду с согласованными текстами Ветхого Завета. По этой причине, из-за влияния, которое апокрифы оказали в первые века существования Церкви, и из-за очевидного уважения, с которым наши христианские предки, даже начиная с некоторых авторов Нового Завета, то уважение, с которым наши христианские предки относились к этим текстам, нам, как их христианским наследникам, было бы разумно ознакомиться, по крайней мере, с этим массивом ресурсов, которые они считали столь ценными и которые оставили такой след в их собственных сочинениях.

Это доктор Дэвид ДеСильва в своем учении об апокрифах. Это занятие 8: Влияние апокрифов на Новый Завет и раннее христианство.